

«Воскрешение может быть не только для людей»**А. Бернштейн, Д. Ю. Сивков**

Аня Бернштейн, профессор антропологии в Гарвардском университете, Cambridge MA 02138, США. E-mail: abernstein@fas.harvard.edu

Денис Юрьевич Сивков, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра исследования космизма МВШСЭН, 125009 г. Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: sivkovd@mail.ru

Интервью с Аней Бернштейн — профессором антропологии Гарвардского университета, автором книг про бессмертие и трансгуманизм в России, посвящено ее новому исследованию — этнографии Плейстоценового парка в Якутии. Антрополог Денис Сивков выясняет контекст этого исследования, а также основные идеи отца и сына Зимовых — создателей Парка, в котором восстанавливают экосистемы — мамонтовой степи, возрождение видов и сохранение вечной мерзлоты. Разговор происходит на фоне более широкого контекста — концепций русского космизма и тем регуляции природы, бессмертия и воскрешения.

Ключевые слова: Плейстоценовый парк, почва, экосистема, вечная мерзлота, крионика, космизм, будущее, возрождение видов

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-119-126

Д. Ю. СИВКОВ: Аня, сейчас ты работаешь над третьей книгой про Плейстоценовый парк. Первая была про буддизм в Бурятии, про смерть¹. Вторая — про бессмертие у российских трансгуманистов и, в частности, у космистов². Смысловой и твой карьерный переход между смертью и бессмертием кажется понятным. Наверное, буддийские монахи в каком-то лиминальном состоянии находятся между смертью и бессмертием. Как получился прыжок в Плейстоценовый парк?

А. БЕРНШТЕЙН: Первая книжка тоже получилась про преодоление смерти через буддистские практики, хотя я ехала изучать тибетский буддизм, его возрождение, связи между Бурятией и Индией. Там был нетленный лама Итигэлов. Другие ламы шутили, что в Москве бессмертный Ленин, а у них — Итигэлов. И нетленный лучше Ленина, потому что вождя

1. *Bernstein A.* (2013). *Religious Bodies Politic. Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism.* Chicago; London: University of Chicago Press.

2. *Bernstein A.* (2019). *The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia.* Princeton; Oxford: Princeton University Press.

сохранили с помощью науки, а лама сам себя сохранил до лучших времен как знак возрождения буддизма. Вокруг этого тела сформировался целый культ и новые практики. Я начала читать про Ленина книгу Нины Тумаркин³. Там в истории возникновения культа Ленина большая часть про федоровцев. До этого момента я никогда не слышала про Николая Федорова. Тумаркин считала, что коммунизм стал религией, взяв на себя сакральные функции. Исследовательница написала, что сторонники Федорова входили в комиссию, которая решала, что делать с вождем. Якобы Ленина сначала хотели заморозить, потом забальзамировали, но все это было с целью воскресить. Меня это сильно поразило. Я написала в первой книге длинное примечание про Федорова⁴. У меня было много материала про преодоление смерти и времени, две эти темы стали повторяться во всех моих книгах. Я подумала, что и реинкарнации, и нетленные тела монахов — все это способ преодоления времени и пространства, получения суверенитета над временем. Мне стало интересно, кто еще писал про такой суверенитет. Долго гуглила разные комбинации и ничего не нашла, кроме одной-единственной статьи медицинского антрополога Тиффани Ромейн про крионику⁵. Она писала, что крионика — это американская практика свободы от времени, свободы от смерти, личной свободы. Это своего рода инвестирование в страховку от смерти. В своей диссертации она исследовала практики выигрывания времени в биомедицине, когда замораживают эмбрионы, яйцеклетки и сперматозоиды. Крионика встраивается в эту биомедицинскую логику. Заморозка стала обыденностью, а крионика — пока футуристический проект. У меня это тоже в голове отложилось. Позже я выяснила, что в России, оказывается, есть крионика, но про последователей Николая Федорова я тогда еще не знала. Я приехала первый раз изучать эту тему в Россию в 2013 году, пошла в офис компании «КриоРус». Глава этой фирмы Валерия сказала мне, что, если я хочу исследовать трансгуманизм и бессмертие в России, мне обязательно надо поговорить с федоровцами. «Как бы мы там с ними ни спорили», — добавила Валерия. Я прочитала самого Федорова к тому времени, но не знала ничего про его последователей, про круг, который Светлана Семенова создала и Настя Гачева развивала. Во второй книге про трансгуманизм снова появилась тема времени и его

3. *Tumarkin N.* (1997). *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press

4. *Bernstein A.* (2013). *Religious Bodies Politic. Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism*. Chicago; London: University of Chicago Press. P. 13.

5. *Romain T.* (2010). *Extreme Life Extension: Investing in Cryonics for the Long, Long Term // Medical Anthropology*. № 2. P. 194–215.

преодоления. В том числе в русском космизме. Вот и у Муравьева книга называется «Овладение временем»⁶.

В офисе «КриоРус» была пара полок с книгами по теме и там стоял том Петра Шмидта «Анабиоз»⁷. Мне Валерия показывает эту книжку и говорит: «Видите, про анабиоз писали давно. Русский ученый. Мы считаем, что тоже в этом направлении работаем — лед, холод». Я начала думать о связи между льдом, холодом, временем, смертью и жизнью. Ведь действительно, холод останавливает биологические процессы. Анабиоз есть у некоторых живых существ. Есть еще криптобиоз, когда организм как бы засушивает себя. Такие процессы переопределяют жизнь и смерть, вводя третье неопределенное состояние. Русский ученый Порфирий Бахметьев первым начал писать про анабиоз, о том, что у анабиоза есть практическое применение. Например, можно найти в вечной мерзлоте останки животных и их потом воскресить⁸. В книге про трансгуманизм я снова сделала большую ссылку про мерзлоту, анабиоз и Плейстоценовый парк⁹. Редактор сильно ругался.

Д. Ю. СИВКОВ: Как тебе удалось попасть в Парк?

А. БЕРНШТЕЙН: Я думала после второй книги, что лет через пять, может быть, займусь Плейстоценовым парком, но случайно попала туда намного раньше. Меня пригласили какие-то футуристы в Сан-Франциско прочитать лекцию. Я решила рассказать им про трансгуманизм и Федорова. И узнала, что они сотрудничают, во-первых, с Джорджем Черчем — генетиком, который собирается возрождать мамонта. Этот проект поддерживает культовый персонаж Стюарт Бранд. Он автор такого экологического и контркультурного издания «Каталога целой Земли» (Whole Earth Catalog). Бранд увидел фото нашей планеты, сделанные американскими астронавтами из космоса, и подумал, что изображению не дают хода, стал везде раздавать значки с планетой. Он был таким культурным брокером между хиппи и хакерами, между контркультурой и технокультурой. Легенда гласит, что НАСА все же растиражировало эту картинку, и Бранд ее поставил на обложку своего каталога. Издание пользовалось безумным успехом. Никто даже не ожидал, что будет настолько успешным проект, этот каталог называют предшественником интернета. В общем, именно Бранд тогда организовал поездку в Плейстоценовый парк...

*А. Бернштейн,
Д. Ю. Сивков*
«Воскрешение мо-
жет быть не только
для людей»

6. *Муравьев В. Н.* (2011). Овладение временем как основная задача организации труда // *Муравьев В. Н.* Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН. С. 5-122.

7. *Шмидт П. Ю.* (1955). Анабиоз. Четвертое изд. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.

8. *Krementsov N.* (2014). Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. Oxford: Oxford University Press.

9. *Bernstein A.* (2019). The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia. Princeton; Oxford: Princeton University Press. P. 217.

Д. Ю. СИВКОВ: У Бранда какой был интерес к Парку?

А. БЕРНШТЕЙН: У него есть НКО *Restore and Revive*, которая занимается восстановлением видов. Есть такое слово “de-extinction” — действия, которые противостоят вымиранию. Руководит НКО жена Бранда. С Сергеем Зимовым Бранд был знаком, потому что Зимов приезжал в Штаты на первые встречи по восстановлению видов году в 2012-м. В Сан-Франциско после лекции ко мне подошел человек из этого фонда и сказал, что Бранд как раз собирается в Россию в Парк. Визионеру на тот момент было 80 лет. Я поняла, что мне надо срочно все бросить и «вписаться» в эту поездку, потому что второго такого шанса не будет. Я попала туда с ребятами, которые в этой поездке снимали документальный фильм про Бранда. В итоге в фильм попал большой кусок про Парк и Зимова. Компания подобралась приличная: был Черч, был Кевин Келли, который основал журнал *Wired*. Были и технари-бизнесмены, и биологи. Они хотели посмотреть на все своими глазами. Люди в Америке не очень хорошо представляют себе, что происходит в России, и где это. Мы приземлились в Якутии, а я говорю им, что это Азия. Они так удивились, что Россия и в Азии.

Д. Ю. СИВКОВ: Расскажи, пожалуйста, про Зимова. Как у него появилась идея парка?

А. БЕРНШТЕЙН: Плейстоценовый парк в каком-то смысле еще советский проект. Сергей Зимов об этом думал давно. Сначала это была тема климата вообще, о воскрешении животных речи не было. Эту «американскую» часть он принял позже. Скорее это была история про воскрешение экосистемы — мамонтовой степи, которая исчезла в конце позднего плейстоцена. Воображаемая мамонтовая степь живет у него в голове давно, с момента, как он попал на Север еще студентом. Родом Сергей из Владивостока. Он выучился на геофизика и работал потом там в университете. У студента Зимова была романтическая идея, он хотел жить в дикой природе, вдали от всего, охотиться, рыбачить. Зимов-отец приехал в Черский на Колыме, но не увидел там ни одного животного. Он поселился с семьей в тундре, в домике, ходил и проводил исследования. И видел множество костей, которые там вымывает, в том числе бивни мамонтов. Раньше животные были, а теперь нет. Нельзя ли как-нибудь так сделать, чтобы все это сн

ова было — мамонтовая степь? Зимов решил, что надо придумать как. Нужно завезти туда крупных копытных, они будут менять ландшафт, трофический каскад повлечет к изменениям со временем. Например, в Йеллоустонском национальном парке исчезли волки. Их завели искусственно, волки снизили поголовье лосей, стала расти ива и укрепляться берега, эрозия уменьшилась и так далее.

Д. Ю. СИВКОВ: Я хочу спросить про масштаб изменений. Допустим, в парке есть 100 километров огороженной территории. Мы же на уровне здравого смысла понимаем, что в антропоцене — в эпоху глобального изменения климата нужно восстанавливать

ландшафт на всей планете, а не на ста километрах. Все со всем связано. Выброс в Китае меняет погоду в Арктике и так далее. Как писал Циолковский, «фронт трудовой армии должен иметь и тысячу верст»¹⁰. Как Зимов смотрит на это напряжение между его очень «огороженными» возможностями и необходимостью глобальной регуляции?

А. БЕРНШТЕЙН: У него, конечно, амбициозные планы. Мы должны работать, ну если не на всей планете, то с полярной частью — Норвегия, Канада, Гренландия, наверное. Зимов просто считает, что надо расширяться, и как можно быстрее запустить миллионы животных. Копытные не очень любят забор, их нужно выпускать, чтобы они были самостоятельными. Но пока они огорожены, их нужно кормить, да и следить в суровых условиях Якутии. Холод никуда не денется, но Зимов считает, что животные адаптируются. Сейчас завезли верблюдов, и им вроде ничего. В Википедии я видела фотографию льва в новосибирском зоопарке зимой. Кажется, львам все равно на холоде. Зимов говорил мне, что можно даже селекцию среди слонов проводить для условий зимы.

Я хотела добавить еще про другой исток идеи Парка — следы от вездеходов в тундре. Вездеходы в советское время там все изъездили и нарушили мох — покров. Зимов ходил по тундре и видел, что в этих следах растет трава, а больше нигде не растет. Еще в тундре осталось много ржавых бочек от топлива с советских времен, такой «пикник на обочине». Возле этих бочек появляются оазисы жизни. Кроме того, Зимов замечал серьезные климатические изменения. Например, в озерах появлялись пузырьки. Это метан от растений. Земля нагревается, мерзлота тает, и газ начинает выходить. Его сын Никита показывал нам, как озеро гореть начинает. Он ходит с ведром и буквально собирает этот газ и потом поджигает. Выглядит так, что вода горит. На самом деле, конечно, метан. Он демонстрирует таким образом серьезные изменения климата. В общем, гипотеза такая: копытные или крупные животные в поисках корма зимой будут вытаптывать снег, который на самом деле как одеяло, греет почву. Мерзлота теплее под снегом. Соответственно, от воздуха мерзлота будет охлаждаться. Летом животные питаются травой, а зимой разгребают снег в поисках пищи. В мире до сих пор не знают, как остановить таяние вечной мерзлоты. Там же в мерзлоте останки, что накопились за многие тысячелетия. Как только она тает, все это оживает. Зимов говорит, что просыпаются микробы, очень голодные. Они садятся ужинать, а потом завтракать, и, значит, опять выделяются CO₂ и метан. Такой замкнутый круг. Животные должны нам помочь все это дело приостановить.

Д. Ю. СИВКОВ: Вернусь к Циолковскому. В «Будущем Земли и человечества» он предлагал вернуться на Землю из космоса для того,

*А. Бернштейн,
Д. Ю. Сивков*
«Воскрешение мо-
жет быть не только
для людей»

10. *Циолковский К.* (1928). Будущее Земли и человечества. Калуга: Издание автора. С. 6.

чтобы планету терраформировать¹¹. Земля должна быть равномерно теплой, комфортной. Трудовой фронт пойдет от экватора на север и на юг, соответственно для того, чтобы покрыть всю Землю сеткой. Планета будет оранжереей, как в космосе все эти замкнутые системы. При этом оставить нужно на Земле только полезные виды, а все остальные уничтожить. У него так вскользь проходит идея, что коренным населением, охотниками и собирателями тоже можно пренебречь. В них нет смысла, они не лучшая часть человечества. В какой-то момент можно использовать для работ, потому что они лучше к экстремальным условиям приспособлены.

А. БЕРНШТЕЙН: А какие полезные виды он предлагал оставить? Как определял полезность?

Д. Ю. СИВКОВ: Например, банан, финиковые пальмы, хлебное дерево — растения, которые содержат достаточно много белка. Циолковский же решает мальтузианскую проблему перенаселения Земли, у него много людей, которых нужно накормить, расселить. Нужно, чтобы небольшой участок земли приносил много калорий — «маленькая земелька для сытой жизни одного человека»¹². Он все это рассчитал достаточно хорошо, поэтому там банан и хлебное дерево он оставляет. У Зимова Парк — это проект регуляции природы. Как он предлагает относиться к человеческим и нечеловеческим существам? Это ведь не только животные, а и растения, почва, микробы, о которых ты говорила.

А. БЕРНШТЕЙН: Это сложный вопрос. Сын Никита Зимов говорил, что не надо им приписывать обожествление почвы, «мы выращиваем почву». Похоже на идею Василия Докучаева, но скорее Зимов-старший цитирует Вернадского. Любимая идея — «давление жизни»¹³. Везде должно быть много видов и организмов, жизнь заполняет по максимуму все ниши. Вот в тундре не было этого вала. Я у представителей коренных народов не спрашивала, но, видимо, Зимову придется при масштабировании парка как-то с ними договариваться и обсуждать. Ведь степь и мамонты будут вытеснять мох, а ягелем питаются олени у местных. Экосистема изменится, и другая жизнь заполнит все, значит, до максимума.

Д. Ю. СИВКОВ: В недавней статье про Плейстоценовый парк ты анализируешь идеи Докучаева в контексте концепции Зимовых¹⁴. Как ты пришла к такой интересной и необычной логической связке?

11. Циолковский К. (1928). Будущее Земли и человечества. Калуга: Издание автора.

12. Там же. С. 5.

13. Вернадский В. И. (2013). Биосфера // Вернадский В. И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 8. Живое вещество и биосфера / науч. ред. и сост. академик Э. М. Галимов. М.: Наука. С. 290-291.

14. Bernstein A. (2024). Pleistocene Park: Engineering wilderness in a more-than-human world // Critical Inquiry. № 3. P. 452-471.

А. БЕРНШТЕЙН: Надо было от чего-то оттолкнуться. Решила начать с Докучаева. В библиотеке нашего университета было дореволюционное издание его лекций. Там он критикует Дарвина: кроме конкуренции и борьбы есть еще закон любви и содружества между человеческими и нечеловеческими существами¹⁵. Очень похоже на теорию взаимопомощи у Кропоткина¹⁶. У Докучаева почва — это сотрудничество пяти агентов-почвообразователей разного масштаба: животные-растения, рельеф, микроорганизмы, время и климат¹⁷. Вместе они создают почву. Это межвидовое сотрудничество. Мне кажется, это все повлияло и на советских климатологов, почвоведов и на Зимова. Мне на Парк интересно было с этой точки зрения посмотреть.

У Зимова тоже есть сотрудничество трав и травоядных. Про животных он говорит, что это его друзья, соратники. И люди тоже. Он себя, свое существование считает частью экосистемы. Докучаев и Кропоткин взяли эту идею у русского биолога и зоолога Карла Кесслера¹⁸. Была большая дискуссия о рецепции Дарвина в России. Космист Вернадский, кстати, продолжает идеи своего учителя про взаимодействие разных уровней и систем. Я как-то была в Принстоне, чтобы обсудить рукопись книги с известным историком советской науки Майклом Гординым. Так вот, он сказал, что главный вклад России в мировую науку — это не космос, не бессмертие, а именно идеи в почвоведении.

Д. Ю. СИВКОВ: Ты же знаешь, что британский историк Дэвид Мун написал про то, как идеи Докучаева были перенесены в Штаты и спасли американские прерии от уничтожения? В 1930-е там был Dust Bowl — страшные пыльные бури на Великих Равнинах¹⁹. В фильме Кристофера Нолана «Интерстеллар» как раз реальные участники, которые были детьми в 1930-е и «вспоминают» пылевые бури как будто из научно-фантастического будущего.

А. БЕРНШТЕЙН: Нет, не знала! Интересно. Применительно к вечной мерзлоте важна и другая советская фигура — Михаил Сумгин. О мерзлоте хорошо пишет Пей-И Чу в книге «Жизнь вечной мерзлоты». Она анализирует советские дебаты о мерзлоте и о том, как появилась концепция такого типа почвы. Оказывается,

15. Докучаев В. В. (1949). К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны // Докучаев В. В. Избранные труды. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 486.

16. Кропоткин П. А. (2018). Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: НИЦ Луч и Редакция журнала «Самообразование».

17. Докучаев В. В. (1883). Русский чернозем. СПб.: Издание Императорского Вольного Экономического Общества. С. III.

18. Кесслер К. (1880). О законе взаимной помощи // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. № 1. С. 124–136.

19. Moon D. (2020). The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s–1930s. Cambridge: Cambridge University Press.

Кропоткин предложил этот термин — «вечная мерзлота»²⁰. Слово «вечность» как будто неслучайно добавляет здесь немного теологии. Сумгин вроде бы пишет вполне прагматические вещи, как нужно строить в мерзлоте дороги и мосты, и вдруг в одном из мест неожиданно говорит о том, что нужно сделать музей вечности, потому что там сохранились виды, которых нет. Музей-холодильник. Складывать туда представителей различных видов, чтобы сохранить и изучать²¹. Представляешь?

Д. Ю. СИВКОВ: Ничего себе! Любопытно, что Сетницкий тоже хотел сделать в мерзлоте некрополь, чтобы именно там сохранять для потомков умерших предков²².

А. БЕРНШТЕЙН: Да. Так вот, Сумгин на нескольких страницах описывает проект этого музея, а потом опять возвращается к экономике и инженерии. Я думаю, этот его музей совершенно федоровская тема. Такая и природная, и культурная крионика. В почве не только люди как бы выставлены и сохраняются для будущего и бессмертия, но и другие живые существа — мамонты и носороги. В этом смысле и Сумгин, и Плейстоценовый парк показывают, что и будущее, и воскрешение может быть не только для людей, а *more-than-human* — более-чем-человеческое.

“Resurrection is possible not only for people”

Anya Bernstein, Professor of Anthropology, Harvard University, Cambridge MA 02138, USA. E-mail: abernstein@fas.harvard.edu

Denis Yu. Sivkov, PhD (Philosophy), Senior Researcher, Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences. Gazetny Per., 3–5, bldg. 1, Moscow, 125009. E-mail: sivkovd@mail.ru

Abstract. This interview with Anya Bernstein, Professor of Anthropology at the Harvard University, the author of books on immortality and transhumanism in Russia, focuses on her new research — ethnography of the Pleistocene Park in Yakutia. The anthropologist Denis Sivkov discusses the context of this study and the main ideas of the Zimovs, father and son, creators of the park, about the ecosystem restoration — the mammoth steppe, the revival of species and the preservation of permafrost. The interview considers a broader context — the concepts of Russian cosmism and the issues of regulating nature, immortality and resurrection.

Key words: Pleistocene Park, soil, ecosystem, permafrost, cryonics, cosmism, future, revival of species

20. Chu P.-Y. (2020). The Life of Permafrost: A History of Frozen Earth in Russian and Soviet Science. Toronto: University of Toronto Press. P. 65.
21. Сумгин М. (1920). Вечная мерзлота почвы в пределах СССР. Владивосток: Н. К.З. Дальне-Восточная геофизическая обсерватория. С. 330-337.
22. Сетницкий Н. А. (2008). О смерти и погребении // Н. Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга вторая / сост. А. Г. Гачевой, С. Г. Семенов. СПб.: РХГА. С. 396.